

ЭСТЕР СЕГАЛЬ

ШИЗОФРЕНИЯЯЯЯЯЯЯ

Эстер Сегаль

Шизофренияяяяяяяяя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3924525

Аннотация

Роман-бред. Пациентка психиатрической лечебницы решает любой ценой избавиться от лекарств, чтобы вернуться в яркий мир фантазии, но при этом выглядеть здоровой. Ее борьба за достижение этой цели, а также параллельное, почти детективное расследование, в которое ей приходится включиться, и стали основой этой книги.

Содержание

Глава 1. На волю	5
Глава 2. Выдержки из свидетельства о выписке – чтобы вы поняли, с кем имеете дело	14
Глава 3. Цель № 1	16
Глава 4. Цель № 2	20
Глава 5. Сон	24
Глава 6. Возможный отец	28
Глава 7. Отчет об эксперименте	31
Глава 8. Еще один отец	32
Глава 9. Еще сон	36
Глава 10. Еще один отец	40
Глава 11. О социальной терминологии	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Эстер Сегаль

Шизофренияяяяяяя

«Шизофрения (от др. – греч. $\sigma\chi\acute{\iota}\zeta\omega$ – раскалываю и $\phi\rho\acute{\eta}\nu$ – ум, рассудок) – полиморфное психическое расстройство, связанное с дезинтеграцией процессов мышления и эмоциональных реакций. Шизофренические расстройства в целом характеризуются фундаментальными и характерными расстройствами мышления и восприятия, а также неадекватным или сниженным аффектом. Наиболее частыми проявлениями болезни являются слуховые галлюцинации, параноидный или фантастический бред либо дезорганизованность речи и мышления на фоне значительной социальной дисфункции, нарушении работоспособности. Первые симптомы обычно появляются в начале взрослой жизни; в целом риск заболевания, по данным исследований, составляет 0,4–0,6 %. Мужчины и женщины заболевают примерно одинаково часто, но у женщин имеется тенденция к более позднему началу болезни».

Из Википедии

«Маразм крепчал, ииза косила...»

Из устного народного творчества

«А не пошли бы вы на хуй со своими

таблетками?»

Из моих мыслей во время беседы с моим лечащим врачом

Глава 1. На волю

Утро выдалось не самое удачное. Из таких, с приходом которых долго пытаешься не согласиться. Но они все равно прут, неизбежные, как дежурный осмотр. И единственное, что ты можешь у них отыграть, так это относительную уверенность, что сегодня ты проснулся самим собой.

Впрочем, кто сказал, что это выигрыш?

Иногда мне кажется, что просыпаться кем-то другим предпочтительнее. Интереснее, уж во всяком случае.

А иногда мне кажется, что не собой и есть по-настоящему собой. Только так-то и есть по-настоящему.

И вот именно тогда, когда я так подумала в первый раз, тогда-то у меня возникла моя идея. Поначалу даже не возникла, только полыхнула где-то внутри маленькой и далекой зарницей. И тут же исчезла. А я притаилась и стала ждать ее возвращения, чтобы тогда уже быть готовой и не упустить, а взглядеться в ее ломаную линию, и запомнить, и в одно мгновение вобрать ее всю в себя, а потом расшифровывать на досуге. Тем более что чего-чего, а уж досуга у меня было предостаточно. Как будто специально для того, чтобы разжевывать

идею до полного понимания, до каши, до такой степени, чтобы помнить ее даже во сне. И даже в чужом сне.

Так, я уже, кажется, совсем вас запутала, а ведь у меня совершенно противоположная цель: я решила начать этот дневник как раз для того, чтобы выпутаться и разобраться.

И вам помочь разобраться.

В чем?

Знаете что? Давайте-ка я лучше начну по порядку...

Три месяца назад я попала в больницу.

Как это произошло, я не помню. Должно быть, меня нашли на улице. Или соседи вызвали скорую помощь.

Мне кажется, что потом, в процессе лечения, мне кто-то что-то об этом говорил, но я не поняла или не запомнила. Я вообще не придаю значения таким мелочам, поэтому не уделила информации о моем прибытии в лечебницу должного внимания.

Как меня лечили, я тоже не помню. Помню только то, что происходило после одного чаепития.

Вот так: сидела за столом и не понимала, кто я, где я и что со мной. И вдруг увидела чашку. Обычную чашку из грубого фарфора. Белую с бледными цветами, розовыми и фиолетовыми, симметрично наляпанными с двух сторон. С легкой продольной трещинкой, совершенно недоступной для проникновения капель, но уже сильно впитавшей чайный цвет и потому очевидной для глаза.

Вот представьте себе: так сидишь, ничего не соображаешь и вдруг... чашка. И ты понимаешь, что это чашка. И внезапно так сильно постигаешь факт существования этой чашки, как будто сам сливаешься с ней. И чувствуешь, что в этой трещинке сфокусирована сама жизнь. И что все тайны бытия пульсируют в этой чашке, когда ты подносишь ее к губам, а теплое пойло колышется и штормит в ее нехитрых берегах. И что Кант должен катиться к чертям со своими нелепыми определениями вроде «вещи в себе». Потому что какая же эта чашка, например, вещь в себе, если я ее понимаю, как саму себя. И даже лучше, потому что себя я еще не вспомнила, а чашку уже впитала в душу.

Вот с этой чашки все и началось.

Потом я покатила во рту чайную волну и подумала о ее вкусе.

Потом я обратила внимание на стол, покрытый клетчатой клеенкой.

Потом увидела на клеенке несколько липких лужиц.

Потом заметила блюдо, на котором уже ничего не было, кроме нескольких вафельных крошек.

Потом я посмотрела по сторонам.

Там обнаружилось несколько мужчин и женщин в одинаковых халатах. Выражения лиц у них были разные, но в основном унылые. Только один безмятежно улыбался, глядя на собственные войлочные тапки.

Подошва одного его тапка была оторвана и слегка топор-

щилась. Причем хозяина тапка, по-видимому, это очень радовало и он периодически наступал ногой в другом тапке на эту оторванную подметку, отпускал ее и прислушивался, как она, амортизируя, слегка шлепала по ступне. Тогда он так же тихо подхихикивал процессу.

Тут-то я и поняла, что нахожусь в психушке, и тогда только догадалась осмотреть саму себя.

На мне был такой же халат, как и на остальных пациентах. А тапки – резиновые и совершенно явно не мои.

Я провела рукой по волосам – причесаны и завязаны в хвост. Спасибо медсестрам, значит, они тут неплохо справляются.

За представлением того, как выглядит моя прическа, пришли и воспоминания о моем лице, которым я всегда была очень довольна.

Вот тут и я улыбнулась, заканчивая реальный и мысленный обзор, максимально возможным образом воссоздав картину происходящего и моего в нем места.

С этого дня врачи решили, что я пошла на поправку.

И, соответственно, я себя в этих стенах помню чуть больше месяца, который пробежал довольно быстро, весь напичканный процедурами, осмотрами и задушевными беседами с лечащим врачом, всегда очень позитивно настроенным и очень довольным прогрессом (не вообще прогрессом, а моим личным как его подопечной).

Вот и этим утром мне предстояло усесться в его кабине-

те, позволить широкому столу темного дерева с бликующим покрытием из оргстекла разделить нас в этом чересчур интимном пространстве и выслушать последние комплименты и важные напутствия.

– Дорогая! – сказал он мне. – Вы выглядите отлично!

– Спасибо! – ответила я и чуть не добавила, что он-то сегодня (впрочем, как и всегда) смотрится не ахти.

– Мы с вами расстаемся, – продолжил он.

«Надеюсь, навсегда!» – чуть было не сорвалось у меня вербальное отражение внутренней речи.

– Надеюсь, к нам в стационар вы больше не вернетесь, – поддержал он мою так и не озвученную мысль, – а будете посещать нас только изредка и только амбулаторно.

– Как часто? – спросила я, цепляясь за то главное, что меня реально беспокоило.

– Сначала раз в неделю, потом, если все будет в порядке, сократим встречи до двух и даже одного раза в месяц.

Я кивнула.

– Самое главное, – продолжил он, – это регулярный прием лекарства. Не пропускайте положенные часы.

С этими словами он придвинул ко мне по столу пузырек со знакомыми таблетками и проштампованный листок и прокомментировал:

– Вот лекарство на первое время и рецепт на следующую порцию. Она вам потребуется только через две недели, но я даю вам рецепт уже сейчас, хоть мы и должны увидеться

раньше. Это на всякий случай – пусть будет.

– Спасибо, – снова поблагодарила я.

– Увидимся в следующий вторник, здесь же, в одиннадцать утра.

– Отлично.

– Да, и вот еще что: там медсестры приготовили для вас кое-что. Сюрприз так сказать, – он ухмыльнулся в усы. – Вы ведь к нам зимою поступили, а сейчас весна в самом разгаре, так что Ваши вещички не по сезону.

– Точно, – впервые задумалась я о том, в каком виде покину это место.

– Наши девочки об этом позаботились, – снова улыбнулся доктор. – Возвращайтесь в отделение и примерьте обновки.

– Спасибо! – сказала я в третий раз.

– Им спасибо скажете.

– И им скажу, не беспокойтесь.

– Об этом я как раз не беспокоюсь, – ответил он. – Я беспокоюсь, как вы справитесь.

– Я справлюсь.

– Ну, и отлично. И да, чуть не забыл: к вам домой патронажная сестра будет иногда наведываться – уж вы не обессудьте.

– Хорошо, – сказала я и с трудом удержалась от того, чтобы продемонстрировать ему свое разочарование.

– Отлично, отлично, – вновь повторил он свой припев и встал, делом подтверждая конец аудиенции.

– До свидания, доктор! – попрощалась я.

– До встречи! – слегка подправил он.

И я пошла к медсестрам за сюрпризом.

Сюрприз оказался так себе, но все равно приятный: для меня собрали кое-какую одежонку. Частью ношеную, но кое-что было новое (например, носки и футболка).

В общем, все вместе – джинсы, футболка и ветровка – смотрелось неплохо.

А главное – туфли: удобные, на платформе, глубокого синего цвета и точно моего размера, так что я даже поразилась, как они угадали (ногу мою, что ли, замеряли, пока я спала?) – это, да, было круто.

Во все это я облачилась в туалете и, совсем готовая к уходу и совсем новая для медсестер, привыкших к моему халату и резиновым шлепанцам, расцеловалась с ними со всеми.

Мне вручили большой пакет с моими зимними вещами и маленькую сумочку, с которой я, должно быть, поступила в отделение.

Там были ключи от квартиры, куча каких-то бумажек вроде счетов за воду и электричество, и еще какие-то мелочи, к которым я решила пока что не присматриваться, так как в моей новой жизни они для меня не то уже, не то еще ничего не значили.

Зато значимыми были таблетки и рецепт, которые я положила туда же, рядом с трупами предметов из добольничной эры. Да еще свидетельство о выписке, полученное уже здесь,

на посту.

Одна из сестер проводила меня до двери отделения. Дальше мне предстояло идти самой.

И я пошла.

Сначала от отделения к лифту.

Потом в лифт и вместе с ним с третьего этажа на первый.

Потом к выходу из больницы, где охранник, уже проинформированный о моей выписке (тут у них все это очень четко, поставлено на конвейер), распахнул передо мной дверь.

Я выглянула наружу, и меня слегка ослепило и оглушило.

Передо мной лежал большой мир, шестигранный, как коробка из-под тувель, которую я только что оставила в больничном туалете. И он открылся мне так же внезапно, как та коробка. И, похоже, он мог оказаться мне по размеру не хуже извлеченной из нее пары.

Я покачалась с носка на пятку. Не знаю, почему я это сделала, но этот штрих придал мне решимости.

Я подпрыгнула. О, еще лучше!

Я готова!

Я это сделаю! Сделаю то, что задумала. То, что тогда пронзило меня молнией зарождающейся идеи.

Я подождала еще секунду – и сделала это: вытащила рецепт из сумки и выкинула в урну, которая стояла тут же, у входа. И охранника не побоялась – а вдруг заметит и доложит?

Он полетел на дно беззвучно и там замешался с какими-то

другими отбросами. Бесславная бумажная смерть. Но мне некогда было думать о прощальной панихиде. Я должна была идти дальше.

Навстречу мне, к моей двери, шли женщина и ребенок. Ребенок, слегка испуганный, но больше, пожалуй, любопытствующий, посмотрел на меня и показал мне язык.

Я ответила ему тем же и заметила, что ему это понравилось.

Должно быть, решив, что все взрослые готовы играть с ним в эту игру, он показал язык и охраннику, который все еще стоял у двери, придерживая ее рукой и глядя мне вслед. Охранник игру не оценил. А жаль, потому что ребенка это могло приободрить.

Тогда я разозлилась на охранника и тоже показала ему язык.

Он пожал плечами: мол, ты уже не в нашем ведомстве – вытворяй что хочешь.

Ну, я и буду вытворять. И обо всем, что вытворяю, напишу в этом дневнике. Только сначала объясню вам, в чем все-таки моя цель.

Чуть позже объясню, потому что сейчас у меня свидание с миром.

Глава 2. Выдержки из свидетельства о выписке – чтобы вы поняли, с кем имеете дело

Из истории болезни № 3518

Диагноз: шизофрения

Пациентка поступила в отделение в тяжелом состоянии. Из симптомов: при поступлении – полное безучастие, перемежающееся короткими фазами истерического смеха, затем, с течением времени и в процессе налаживания контакта с лечащим врачом – неадекватное восприятие окружающей действительности, неспособность вспомнить информацию о себе и о своей жизни, попытки определить себя через придуманные образы и заимствованные из литературы имена...

(Тут я пропускаю перечень сложных терминов, процедур и лекарств – даже мне скучно.)

В данный момент совершенно стабильна. Опасности для окружающих не представляет. Покладиста и ответственна. В последнее время самостоятельно являлась на пост для получения лекарства. Выписывается домой под надзор патронажной сестры и с обязательным условием еженедельного посе-

щения стационара.

(Я очень ответственна, в этом вам еще предстоит убедиться.)

Лечащий врач – такой-то.

Старшая сестра – такая-то.

Главный врач – такой-то.

(Я, пожалуй, тоже подпишусь и повешу бумажку на стенку кухни между чайником и хлебницей.)

20 апреля...

(Год неразборчив, на его месте чернильная клякса от не в меру разрывающейся печати. Но мне по барабану, меня этот год устраивает в любом случае.)

Глава 3. Цель № 1

Итак, моя цель.

Я сейчас вам все объясню, и вы перестанете удивляться.

А, может, наоборот, удивитесь еще больше.

В любом случае, я затеяла то, что затеяла, и теперь уже ничего не изменить. И к лучшему.

Сию я сейчас у себя дома за кухонным столом, к которому мне снова пришлось привыкать, и пишу эти строчки, покусывая намазанную маслом корочку.

Корочка – важный фактор противодействия моему решению, ведь она такая вкусная и хрустящая, что, кажется, просто воплощает здоровую радость нормального мира.

А меня вот тянет в ненормальный, в тот, который украли у меня таблетки.

И тут мы, наконец, подходим к главному – к моей идее.

Видите ли, после того, как меня подлечили (слово «вылечили» употребить не могу, ибо мой недуг неизлечим), я все больше и больше прихожу к выводу, что моя жизнь стала намного преснее, чем была тогда, когда я существовала в пограничном мире.

Там было интереснее. Там было ярче. Там не было границ для мысли, вообще никаких. И я могла погружаться в себя так глубоко, как хотела, совершенно не встречая препятствий.

Я могла обнаружить в заветных уголках собственного, как правило, нищенского в здоровом состоянии, «я» все что угодно и кого угодно.

Я могла пастись с кентаврами и летать на хвосте бумажного змея. Я могла вспомнить нехитрые тона первобытной песни и сама превратиться в тростниковую дудку, вырезанную нечаянным умельцем. И пропускать звуки через себя. И сама становиться звуком и на самой себе изучать воздействие себя как звуковой волны на скалы, дюны и кору древних кедров. И здороваться с эхом и чувствовать, как оно пожирает меня без остатка, чтобы изрыгнуть прямо в ухо пастушку, который все еще возится с дудкой.

И разве можно променять все это на очередь в булочную за свежим хлебом с хрустящей корочкой, которую потом так приятно намазывать маслом и класть в рот?

По зрелому размышлению (еще там, в больнице, хотя там и не было таких вкусных корочек), я пришла к выводу, что нет, нельзя!

И вот я сижу за кухонным столом, прислушиваюсь к редким звукам на лестничной площадке в тревожном ожидании патронажной сестры и еще раз сверяю свои нынешние ощущения с идеей. И что бы вы ни говорили, идея перевешивает.

Поэтому я буду придерживаться того плана, который выработала перед выпиской. Вот он.

Я хочу добиться невозможного.

Вернее, невозможным это считают врачи, я же убеждена,

что этим словом называют лишь то, что пока не встречалось и не бывало, но обязательно еще будет и встретится.

Так почему бы мне не стать первооткрывательницей?

А открывать я собираюсь безвизовый режим между здоровьем и безумием. И я сама стану и обладательницей заветного паспорта, и пограничником, дающим добро на въезд.

Вы поняли? Я хочу быть и больной, и здоровой одновременно. Функционировать как здоровая: делать покупки в магазине, убирать квартиру, гулять в парке, оплачивать счета (у меня их пока еще целая куча в сумке и, вероятно, в почтовом ящике), устроиться на работу. Ну, что еще там делают обычные люди?

И при этом спокойно нарушать границы: лететь в себя и наружу, постигать непостижимое, превращаться в деревья и камни, надевать маски и срывать личины.

О, как мне этого не хватало в последнее время! Потому что я люблю свою болезнь. Я не могу без нее. И я не могу простить врачей за то, что они у меня ее украли.

Поэтому я выбросила выписанный мне рецепт в мусорное ведро у входа (нет, пусть уже будет «у выхода») в больницу (тогда – «из больницы»).

А выданное мне лекарство я использую хитро: буду все время снижать дозу, пока оно не сойдет на нет.

Так я решила. Чтобы не сразу свалиться в безумие, а потихоньку. Чтобы приучить себя к нему и войти в него плавно, как в прохладную воду реки. Не с вышки и с головой, а

на цыпочках: сначала до щиколоток, потом до колен, по пояс и лишь тогда уже по шею. А голова пусть остается снаружи. Это самое ценное у меня – моя голова.

Ну, вы поняли, что это только пример. На самом-то деле, голова-то моя и будет основной участницей эксперимента.

И победить я смогу только в том случае, если ни патронажная сестра, ни лечащий врач в больнице не смогут разгадать моего плана и заметить признаков нездоровья.

Я, конечно, хитрая и считаю себя неплохой актрисой, но есть и опасность: когда привыкаешь жить без границ, в них потом трудно удержаться даже при желании.

Поэтому: да будет чудо!

И да здравствует шизофренияяяяяя!

Глава 4. Цель № 2

Вот еще кое-что.

И это очень важно.

У меня есть необходимость в прямо-таки... детективном расследовании. В частном расследовании, в тайном расследовании – уточню я.

Тема очень деликатная, поэтому прошу отнестись ко всему, что будет сказано ниже, с пониманием и без грубости.

Дело в том, что я беременна. Уже три месяца. Проблема только в том, что я не имею ни малейшего понятия, от кого.

И вот его-то (этого кого-то) мне и предстоит найти.

Не думайте, что я сумасшедшая.

То есть, конечно, да, я сумасшедшая. Сумасшедшая настолько, чтобы не помнить, кто отец моего будущего ребенка. Но не настолько, чтобы поставить перед собой неисполнимую цель. И хотя вам может показаться, что найти того, не знаю кого, невозможно, я уверена (ну, есть у меня такое чувство), что я с этой задачей справлюсь.

Во-первых, я проанализирую все возможные ситуации и всех известных мне мужчин. Вероятно, одного только этого логического подхода окажется достаточно, чтобы найти искомого отца моего ребенка.

Во-вторых, я очень рассчитываю на свою память, которая в данный момент, замученная лекарствами, беспробуд-

но спит, но как только я вернусь за границу нормы, надеюсь, воспрянет и подскажет мне необходимые для расследования детали и образы.

В-третьих, есть еще и интуиция, и случай. И если не логика и не воспоминания, то они-то уж точно помогут. Почему-то я очень сильно верю в то, что тот, кого я ищу, обязательно снова появится в моей жизни и тогда – я его точно смогу узнать.

В-четвертых... Это, конечно, уже малореально, ибо если бы было реальным, то уже, наверное, произошло бы. Но все-таки, кто знает?

В общем, в-четвертых – это если тот мужчина разыщет меня сам. Ведь он-то, наверное, все помнит, потому что странно было бы, если бы мы потеряли память одновременно.

Ну что? Вы согласны с моими аргументами?

Даже если нет – я все равно буду пытаться, и тогда посмотрим, получится у меня или нет.

А еще вас, наверное, удивляет, почему я не избавилась от этого ребенка.

Не скрою, были у меня такие мысли.

Когда я пришла в себя и врач посчитал меня достаточно стабильной, чтобы воспринять столь серьезную информацию, он сообщил мне о беременности.

Я в тот момент была поражена и расстроена. Даже плакала.

И потому, что почувствовала себя ужасно одинокой и неготовой к такому испытанию.

И потому, что испугалась за моего ребенка: а вдруг он тоже родится больным?

И потому, что мне в голову пришла ужасная мысль: если он, да, родится больным и два наших сумасшествия не совпадут, то мы никогда не поймем друг друга и будем обречены бродить в разных мирах бесконечной вселенной разума. И с этим мне было сложнее всего примириться.

А еще вот что страшно: если я буду нестабильна, у меня отберут этого ребенка. Отберут – навсегда. И как я тогда себя прощу?

А потом я почему-то резко и полностью успокоилась. И поверила в то, что у нас все будет очень хорошо. Что мы со всем справимся и будем очень счастливы, будем не разлей вода.

И хотя врач предлагал мне сделать аборт, я отказалась. И второй раз отказалась, и третий. А теперь поздновато уже. И никто мне больше этого не предлагает. И хорошо. Потому что я жду и готовлюсь. И не хочу пропустить ни одного симптома вызревающего во мне материнства.

И проходит у меня все очень легко. Меня даже ни разу не тошнило, хотя все утверждали, что это первый признак.

И подаренные мне медсестрами джинсы пока сходятся на мне и застегиваются на все пуговички.

Так что никто и не знает, и не догадывается.

Вы теперь знаете, и обещаю, будете свидетелями роста моего живота.

Если, конечно, я не настолько уйду в другой мир, чтобы забыть вас своевременно информировать.

Интересно, кстати, на кого он будет похож – мой ребенок? Если на папу, то поможет ли мне это сходство в поисках папы?

Жалко, что вы не можете за мной присматривать. Боюсь сделать какое-нибудь неверное движение и повредить моему ребенку. Но даже ради этого не соглашусь глотать противные таблетки. Это я уже твердо решила.

Все, уже поздно, пора спать. Встретимся завтра.

Глава 5. Сон

Сегодня мне приснился сон, более чем любопытный.

Сначала я вообще не могла понять, что же это такое я вижу.

Прямо перед моими глазами, настолько близко, что казалось, странные образы просто вторгаются под веки и вдавливаются в глазные яблоки, мельтешили какие-то черно-белые и цветные пестрые объекты.

Они были в тонкую полоску. Или раскрашенные спиральями. Или взрывающиеся сочными брызгами ярких окружностей.

Они все лезли и лезли в мои глаза, словно бы расплзались и разбухали как сильно заквашенное тесто, прущее вон из кадки.

«Что это? Что это?» – думала я, не в силах защититься от атаки. И постепенно сначала мою голову, а потом и все тело заполняло такое ощущение, как будто ворвавшийся в меня поток раздует меня до предела, а потом найдет естественные, а то и пробуравит дополнительные отверстия и вытечет наружу, навстречу новым жертвам.

А я? Истеку и останусь опустошенной и рваной. До такой степени, что уже не возможно починить.

И еще я чувствовала на своем лице легкую щекотку. Как будто эти пестрые штуки слегка скребутся по моему лицу. С

таким тонким противным звуком. И с холодком, покалывающим мою кожу и заставляющим меня вздрагивать и слегка откидывать голову.

А еще они были очень-очень гладкие.

Что это? Что это? Что это такое?

А они все лезли и лезли. Заполняли меня и все пространство вокруг. И я уже начинала потихоньку задыхаться. И осознавать, что из их плена не выбраться. И что они сами, душа меня и вытесняя из меня воздух, непрестанно растут, ширятся и умножаются в числе.

Я не понимала ни их природы, ни того, откуда они берутся, ни того, стоит ли за ними какая-то управляющая сила, ни какова она. И от этой неизвестности было страшно. И страх постепенно рос. Вместе с ними, и даже опережая их.

Пожалуй, черно-белых было все-таки больше. Но их преобладание ничуть не приближало меня к разгадке.

Мне надо было вырваться из их окружения и отдалиться от них на расстояние, а еще лучше вознестись над ними как можно выше, чтобы со стороны, оглядев всю их непостижимую массу, понять, наконец, кто они такие.

И тут я почувствовала, что моя мысль обретает силу и как будто ведет меня за собой и вытягивает из гущи.

А они волнуются, не хотят меня отпускать. Вцепиться в меня не могут, не имея для этого ни конечностей, ни каких-то специальных приспособлений. Но все же стараются задержать меня: уплотняются и давят сильнее. И большее

скребут своими надутыми боками по лицу.

Но я уже точно поняла, что мне надо делать: не думать о них, а думать о том, что вовне. Держаться за мысль, как за трос, волокущий автомобиль с умершим сердцем.

И я держалась.

Не знаю, долго ли длилось высвобождение. Там, внутри сна, мне было трудно следить за временем.

А когда я оказалась снаружи, вдруг стало все так ясно. И так невообразимо смешно.

Эти пестрые и гладкие были не чем иным, как огромной связкой воздушных шариков. Круглых и тех, что имеют форму. Ну, знаете, много таких есть: сердечки, звери...

Черно-белые в полоску, которые меня пугали больше всех – это были глянцевые зебры. И перемежающиеся чернота и белизна их раздутых тел до сих пор вскипала где-то внутри моих глаз и просачивалась раскаленной лавой прямо в мозг.

«Как я попала в гущу шаров? Кто это так подшутил надо мной?» – думала я, правда, уже без страха.

И тут мне показалось, что вопрос неуместен, ибо и я сама была воздушным шаром. И поэтому никто не обижал меня умышленно, ведь это было так естественно – присоединить одинокий шар к ему подобным.

«Я все еще шарик? – спросила я себя, осознав эту нехитрую истину. – Я надута гелием? Я могу взлететь?»

Я попыталась и полетела. И летела до тех пор, пока не проснулась в своей кровати. И очень сильно закашлялась.

Наверное, потому что надо было избавиться от избытка геля в легких. Или потому, что я простудилась.

Глава 6. Возможный отец

Итак, кто он?

Для начала надо решить, когда с большим процентом вероятности могло произойти оплодотворение: до или после?

В смысле, до или после моей госпитализации.

Я бьюсь над этим вопросом уже полдня, но ни один из вариантов не кажется мне предпочтительным. Хоть монетку кидай.

Впрочем, я пока что все равно блуждаю впотьмах, так есть ли разница, с какой стороны от той царапины в потоке времени, которая отделила три последних месяца от предыдущих?

Пожалуй, нет. Поэтому начну наугад. Пусть будет после. Так просто легче думать, ибо пространство поиска резко сужается: больница – не такое уже большое здание.

А если так, то первым под подозрение попадает – санитар...

Меня привезли и вынесли из машины на носилках. С носилок переложили на каталку и вручили мою безучастную плоть мужчине в зеленом больничном обмундировании и бахилах поверх упругих кроссовок.

Ему было под тридцать, но лицо его, хоть и соответствовало биологическому возрасту, не отражало достаточного для

этих лет жизненного опыта. По-видимому, он не так уж много и накопил в закромах своего сознания.

Санитаром в психушке он работал вот уже третий год, и очень этому обстоятельству радовался, ибо место там хлебное и тихое, буйных пациентов, как правило, немного, а когда и попадаются, так управляться с ними одно удовольствие – на то существуют испытанные больничные приемы.

Я к буйным совсем не относилась. Зато на беду свою относилась к обездвиженным и обесточенным без батареек памяти существам женского рода.

Таких, как мы, он любил больше всего. Такие его очень возбуждали, и он с трудом сдерживался, чтобы, приняв новую единицу, чинно и степенно везти каталку по коридору всю дорогу до отдельного бокса приемного покоя и не ускорять шаг под убыстряющийся донельзя пульс.

На меня у него встало сразу, и он чуть не истек еще по пути. А когда довез меня до бокса и начал переодевать из домашнего в больничное, так даже стонал и едва успел донести свое хозяйство до цели.

Когда он вставил в меня член, я даже не дернулась. Потому что не заметила. Я в тот момент была где-то очень далеко.

Он же просто захлебывался от восторга. Ему так и нравилось больше всего. Чтобы никакого сопротивления. Чтобы совсем как с резиновой женщиной. Но при этом настоящей и теплой.

И еще у него была особенность: должно быть, ему не хва-

тало зуба, потому что свои ритмичные движения он сопровождал странным полуприсвистом-полупришепетыванием. Как насос для футбольного мяча. Или как голос какого-то вечернего насекомого, порою солирующего под окном в разгаре лета.

Он кончил очень быстро, а потом медлил и долго возился в боксе, чтобы разогреться как следует и взять меня еще раз.

Мне было все равно.

Сейчас, когда я воссоздаю эту картину в памяти, уже не все равно, а очень даже мерзко, так что спазм схватывает горло и подступает рвота.

Тем более что теперь я припоминаю, что он брал меня еще несколько раз – в другие дни, по дороге на процедуры и в баню.

И вот теперь я спрашиваю себя: что же будет с моим несчастным ребенком – плодом бесчувственной и грубой связи сумасшедшей и животного?

Клянусь, моя детка: ты никогда не узнаешь, кто твой настоящий отец!

Глава 7. Отчет об эксперименте

Сегодня снизила долю лекарства на четверть. Пока особых изменений не наблюдается. Разве что тревожность еще повысилась – с еще большим страхом ожидаю визита патронажной сестры.

Других симптомов нет. Как только появятся – сообщу обязательно.

Глава 8. Еще один отец

А если это был лечащий врач?

Да, почему бы ему не оказаться моим лечащим врачом?

То-то он на меня все поглядывал так игриво, с вполне плотским мороком в глазах и вытапливающимся к концу каждой нашей встречи салцом над верхней губой – это пока он еще усы не отпустил.

А это его постоянное выражение лица – пресыщенное до такой степени, что, кажется, даже до бровей доползает эхо отрыжки от переваренной качественной жизни.

И брюшко, колышущееся от предвкушения каждой новой встречи с любопытным случаем: «А поглядим-ка, что у нас тут. Ах, как интересно! Батюшки святы!»

С этими батюшками он и надо мной брюхом колыхал, когда фонариком в глаза светил, когда веки жирными пальцами отодвигал, когда шею гладил, прощупывая жилку с пульсом.

Он и ночью иногда заглядывал в палату – скучно, стало быть, ему было одному в кабинете на дежурстве.

И это его масляное и раскатистое: «Дорогая!» И с чего бы это я ему дорогою была?

Ай! Вот оно – он же на аборте настаивал. Отговаривался побочными эффектами медикаментов, возможными рецидивами, социальными службами, которые неизбежно бу-

дут вмешиваться в процесс воспитания ребенка, а то и настаивать на постороннем опекунстве.

На самом же деле он своего отцовства не желал. Да и то: у него, кобеля, таких детишек по всему городу, небось, пруд пруди – от каждой пациентки, если не слишком страшная или не слишком буйная.

А если и буйная – что ему с того? На невольничьих кораблях рабынь за ноги цепями подвешивали и трахали всей командой, кто во что горазд. И юнги, и капитаны прикладывались. И визжи не визжи, мечтай царапаться – цепи кусают лодыжки крепко: не вырвешься и не вопьешься зубами в руки насильников.

А со мной – проще простого. Не помнила ничего, врачу доверяла – буквально ела с ладоней и таблетки запивала протянутой в стакане мертвой водой.

Да, теперь все ясно – это он.

Спаситель заблудших душ, пронзающий жирным отростком горячую плоть.

Наставитель затерянных в плотном тумане душевных болезней.

Экспериментатор с мутной спермой, бурлящей в оскверненных чужих недрах.

Палач и мясник с окровавленным ножом, вскрывшим не для него хранимую девственность.

Святоша, искупающий грехи и выдающий святое причастие наркоза.

Перезрелый самец, прячущий прыщи под тальком и белым халатом.

И когда мой сын подаст первые признаки унаследованного безумия, его отец будет бесстрастно терзать юный мозг с неизменным и лишь чуть подернутым старческой хрипотцой: «А поглядим-ка, что у нас тут. Ах, как интересно! Батюшки святы!»

Это он – святой батюшка всех и вся. Его дети толпами маршируют по проспектам, штурмуют автобусы и прилавки винных лавок. Они похожи на него и все рано или поздно отрачивают усы, чтобы скрыть пресыщенный излом верхней губы и проступающее на ней сало.

О, мой сын! Ты ведь не пополнишь их ряды? Ты не будешь колыхать бурлящим от газов брюхом над алчущими света и иного познания?

Или, знаешь что? Родись-ка лучше девочкой и учись ступать босыми ногами по мокрой гальке. Пусть твои нежные пятки впитают боль твоей матери, которая не по гальке ходила, а по больничной холодной плитке. А на плитку капала кровь из разорванной промежности. И лечащий врач говорил уборщице: «Это ничего! Это можно потереть!»

Я ненавижу моего врача. Теперь и за это, а не только за то, что украл мой мир, светлый и прекрасный, весь журчащий, как вода по дорожке из гальки, весь прозрачный, как глаза моей будущей девочки.

Будь ты проклят, чиновник от таблеток! Подавись своим

сытным ужином и ударся лбом о свой безжалостный стол
под гробовой крышкой оргстекла!

Глава 9. Еще сон

Сегодня ночью мне вновь приснился странный сон.

Как будто бы я захожу в кабинет зубного врача и усаживаюсь в кресло.

Врач какой-то дряхленький, пожилой, но хваткий. И глазенки у него так и бегают, но не по моей ротовой полости, а как-то вокруг: и надо мной, и по бокам, и за моей головой и спиной.

Я ему рот открываю как положено, а он, вроде, и внутрь заглядывает и даже копошится там понемногу инструментами, но все что-то думает о своем и тянет время.

Я нервничаю, пытаюсь ему объяснить, где болит, подгоняю, чтобы шевелился – все с открытым ртом, естественно, что сильно затрудняет дело. Но он то инструмент уронит, то задумается и замрет, то вообще встанет и исчезнет за дверью. Словно пошел за инструментом или за лекарством, но что-то уж очень долго, нереально долго.

Один раз он даже вернулся обратно, неся в обеих руках по авоське с фруктами. И молча, без всяких объяснений, но горделиво и как-то даже торжественно потряс авоськами: мол, погляди, чем я разжился, пока ты тут меня ждала.

И мне уже совсем не по себе. И рот больно держать открытым. И времени, чувствую, прошло так много, что жалко его до боли. И полное ощущение беспомощности.

Моя очередь лечить зубы, я точно знаю, была назначена на девять утра, а сейчас будто бы уже вечер. За окном смеркается, и, значит, целый день потерян. И мне кажется, как будто я что-то безвозвратно упустила. Что-то очень важное. Такое, без чего теперь вся жизнь пойдет наперекосяк. Но я не могу вспомнить, что.

– Да сейчас только одиннадцать часов, – успокаивает меня медсестра, которая почему-то возникает в кабинете и за чем-то плавно фланирует по нему словно птица, боящаяся взлететь.

«Да она врет, – думаю я. – Или дура, время определять не умеет». Я точно знаю, что сейчас около шести часов вечера. И для верности решаю проверить это по своим часам.

Поднимаю руку к лицу. Выморочно так, неправильно – но что поделать, если голову от подголовника кресла не поднять. Смотрю на циферблат моих любимых часов. Моих «Гуччи» с сапфировым стеклом, которое невозможно поцарапать, и с теплым от моей руки, привычным для глаза корпусом.

Но и с часами сегодня что-то не так, как всегда. Я вглядываюсь в них, пытаюсь просчитать градусы, порожденные композицией стрелок, но не понимаю ничего. И стрелки, словно издеваясь, начинают мелко дрожать и крошиться, буквально рассыпаться в порошок. А за ними и циферблат, и корпус часов, и браслет.

И параллельно этому процессу так же в порошок, внезап-

но и предательски начинают крошиться мои подточенные странным врачом зубы. Я пытаюсь дотронуться до них языком, на него сыпется зубная пыль. А он, уворачиваясь от ее противного колкого вихря, упирается лишь в осколки, в причудливые очертания выеденных то ли временем, то ли сверлом рифов.

«Что же мне делать? – думаю я. – Что же мне делать? Вся жизнь кончена!»

И тут возвращается врач.

«Сейчас он мне все-таки поможет», – смотрю я на него со вспыхнувшей надеждой.

Но вместо того, чтобы броситься к креслу и заглянуть в мой по-прежнему раскрытый рот, он спокойно начинает натягивать пальто, которое, оказывается, уже размещено услужливыми бутафорами моего сна прямо рядом со мной, на растопыренной вешалке.

– Куда же вы? – пытаюсь крикнуть я.

Но он словно не слышит и явно собирается уходить.

– Так смена у него кончилась, – звучит прямо у меня под ухом.

Я пытаюсь повернуться на голос и рассмотреть его обладателя. Мне это не вполне удастся, но все-таки я уличаю справа пухлую женщину с плотоядной улыбкой. Почему-то мне само собой становится понятно, что это заведующая клиникой, и я тут же, все еще с открытым ртом, а потому совершенно нечленораздельно, начинаю протестовать.

Как ни странно, заведующая меня моментально понимает, но отбивается от моего отчаяния лишь дежурными фразами и вздохами:

– Ничего не поделаешь – смена кончилась, вон уже свет гасят в коридорах.

Я пытаюсь выть.

Она в ответ сострадает, но пассивно:

– Понимаю, с такими зубами домой никак нельзя, но и помочь ничем не могу. Разве что...

Тут она выдерживает нарочитую паузу и бормочет, направляясь к выходу:

– Разве что практиканта какого найду, чтобы замазал тебе твои дыры.

И она тоже уходит.

А я остаюсь, вне движения, вне времени (часы искрошились) и вне разума, который медленно затухает с каждым отдаляющимся слегка подшаркивающим шагом заведующей.

Дальше ничего не помню. Только то, что проснулась, и сон при этом не убежал из памяти. Сохранился во всех деталях. Так что если я сосредоточусь, смогу пересчитать фрукты в авоськах моего врача.

Но какой в этом смысл?

Глава 10. Еще один отец

Все эти размышления и сны о врачах навевали еще одну тяжелую мысль: меня никто не насиловал, пока я была в беспмятстве – все было гораздо проще и стерильней. Надо мной поставили эксперимент и сделали искусственное оплодотворение семенем другого пациента с тем же, что у меня, а может, и совсем иным недугом.

Врачи – хитрые, тянутся к познанию, а материала им маловато, вот они и пользуются нами, пока мы спим.

Спим сами по себе, блуждая мыслью в лабиринтах фантазий, а то и подкачанные ими специально. Чтоб не проснулись, когда не надо, и не заметили, как они над нами колдуют.

В моем случае их интересует, как два генетических заболевания и плюс к этому два курса лечения суровыми препаратами скрестятся в одном слабом организме.

Да ведь на этом же деле можно диссертации писать! А то и еще круче: богами себя возомнить, творцами нового бытия, искаженного вмешательством химии и кастрированной совести.

О, да! Они настоящие кастраты духа. Для них нет ничего святого, а потому им совсем не запахло подоить какого-нибудь бедолагу, вроде того, что играл в столовой с подошвой тапка, а потом залить его мутировавшую сперму в лоно та-

кой податливой до новой жизни девушки, как я.

И ребенка они у меня обязательно отберут. Предъявят претензии на собственное творение и заграбастают в лаборатории на анализы. И мой ангелочек будет лежать в пластиковой жесткой люльке, весь истыканный трубками: и в вены, и в позвоночник, и в головной мозг.

Так, мне надо срочно что-то придумать. Надо спастись от этих липовых ученых с недописанными докторатами. Надо уехать, спрятаться, пересечь границу и сменить имя.

Имя – легче всего, у меня их в запасе миллион. Надо только выбрать и оформить официально.

А где взять деньги на билет? Не проблема – надо будет, достану. Заработаю. Или, в конце концов, можно и у людей попросить прямо на вокзале. Мол, люди добрые, моего ребенка хотят отобрать у меня на эксперименты. Помогите материально, и я уеду так далеко, где о лекарствах даже не слышали. Например, в Сибирь – в тайгу, к тайным искателям золота и живой воды, в которую я окуну своего ребеночка и он исцелится от всей той дряни, которую они в него намешали.

И я исцелюсь. Но так, чтобы все-таки иногда играть с кентаврами.

Люди добрые услышат мою песню и помогут, кто монеткой, кто хрусткой бумажкой. Ведь они же еще остались, эти добрые люди, правда? Насколько я знаю, остались только на вокзалах, но мне как раз туда.

А остальные люди все стали злыми. Они насилуют безза-

щитных больных и оправдываются тем, что с шизофрениками можно не церемониться.

Они делают нам уколы, раздвигают нам ноги и вливают в нас животворящий яд. Они кромсают нас на части.

И их становится все больше, они повсюду. Вот почему хорошие люди вынуждены скитаться по вокзалам – они вечно перемещаются, они бегут от засилья злых.

Ах, как же я боюсь вас, злые, и как ненавижу.

И жалею вас тоже, потому что многие из вас не виноваты. Вы просто подцепили эту заразу, а больными почему-то считаете нас.

Не надо, не прилепляйте нам ярлыков. Мы ведь можем ответить. Потому что нас, больных, тоже немало.

Потому-то вы так и стремитесь нас изучать. Потому-то и ставите на нас эксперименты и пишете диссертации.

Вы боитесь нас и хотите знать о нас все-все-все. Чтобы распознавать нас в толпе. Чтобы отлавливать нас на вокзалах. Чтобы ни один не ускользнул.

Но я и мой ребенок, в животе ли он пока моем, или уже родится к тому времени, – мы ускользнем.

Глава 11. О социальной терминологии

Сегодня я придумала новое слово. Хорошее определение для всех вас – уебщество.

Уебщество – это скопление индивидов, каждый из которых является уебком, в социально организованную группу.

Уебок – это самый распространенный на планете вид. И каждый представитель этого вида – существо повседневное, приживающееся в любых климатических условиях и активно размножающееся.

Размножение уебков происходит несколькими традиционными способами.

Во-первых, способом физиологическим – через соединение двух представителей вида в половом акте с финальной стадией оплодотворения и зачатия.

Потом, правда, требуется еще и вынашивание, и роды. Но тут в размножении уебков иногда возникают не предусмотренные природой трудности, когда эмбрионы уебков на той или иной стадии развития уничтожаются уебками старшего поколения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.